

Е. А. Бутина
В КРУГУ
ВОЗВЫШЕННЫХ ИДЕЙ:
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
ОГНЁВ
(ПОСЛЕСЛОВИЕ
К ПУБЛИКАЦИИ)¹

А.И. Огнёв родился 18 (30) апреля 1884 г. в московской интеллигентской семье. Его отец Иван Флорович Огнёв (1855–1928), сын штаб-лекаря московской Мариинской больницы для бедных, был известным гистологом, профессором медицины Московского университета² и признанным знатоком «московских древностей»³. Мать Софья Ивановна происходила из дворянского рода Киреевских⁴. Она во многом духовно повлияла на своих детей: Александра, Сергея и Владимира.

В доме Огнёвых часто бывали ученики и друзья Ивана Флоровича, цвет московского университетского общества: студент П.А. Флоренский, С.А. и М.Н. Муромцевы, Л.М. Лопатин и другие. Дети росли в атмосфере интеллектуальных споров и научно-философских бесед.

С 1897 по 1903 г. Александр учился в частной мужской гимназии Л.И. Поливанова, которую окончил с оценками «отлично» по всем предметам, кроме географии и математики⁵. В 1903 г. Огнёв был принят в число студентов Московского императорского университета на естественное отделение физико-математического факультета, однако осенью 1906 г. перевелся на философское отделение историко-филологического факультета. Ак-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Н.А. Дмитриевой «Феномен русского неокантианства в контексте русской и европейской философии конца XIX – первой половины XX века», осуществляемого на средства гранта Президента Российской Федерации по поддержке научных исследований молодых российских ученых – докторов наук (МД-4045.2011.6).

² С 1884 г. – прозектор, с 1891 г. – профессор. В 1914 г. был уволен реакционным министром народного просвещения Л. Кассо. В 1917–1924 гг. вернулся в Московский университет [12].

³ «...Гистолог Иван Фролович Огнёв нам (будущим художнику Н.В. Нестерову и генетику Н.В. Тимофееву-Ресовскому. – Е.Б.) преподавал всю археологию и искусство старых московских церквей. Мы тогда обошли за две зимы, по-моему, все московские церкви, построенные раньше XX века, с XIX века и до основания Москвы. Кроме того, той же тройкой ездили в теперешний Загорск, тогда Сергиев Посад, и в окружающие пустыни» [13, с. 79].

⁴ Отец Софьи Ивановны был двоюродным братом известного славянофила И.В. Киреевского. С.И. Киреевская-Огнёва хорошо рисовала, обладала талантом рассказчицы и оставила рукопись «Пятьдесят лет моей жизни», где вспоминала о своей семье, о С.Н. Трубецком, Л.М. Лопатине, Л.Н. Толстом, о похоронах Баумана. – Из «Бесед протоиерея Саввы Михалевича» на радио «Благовещение».

⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 317. Ед. хр. 784.

тивный участник различных научных и философских кружков, от природы замкнутый Огнёв не пользовался, однако, успехом в студенческой среде. Его старший товарищ — еще по детским играм — Андрей Белый вспоминал: «...“Саша” Огнёв, тот, которого некогда мы аннексировали в нашу детскую труппу: на роли статистов; блондин, очень вялый и бледный, он вырос: студент; он остался статистом, но — в хоре “передовом”; статист “передового хора” сынков, он со знанием дела, но вяло, но бледно, в годах все докладывал: естествознание без философии ограничивает кругозор; философия без естествознания суживает; все — так: говорил с досадной дельностью; говорил так, как принято; “передовые” сынки всего мира — Германии, Англии, России и Франции — говорили так именно: слово в слово! <...> И слышалось:

- “Огнёв правильно полагает”.
- “Положения молодого Огнёва!”
- “Огнёв”.

Потом прибавлялось:

- “Огнёв опять говорил: то же самое”.
- “Соединял философию с естествознанием?”
- “Соединял”.

Браво, Огнёв, п-р-а-в-и-л-ь-н-о!

И уже когда — который — дописывался книжный шкаф, трактовавший все тот же почтенный вопрос “молодого” Огнёва, “молодой” Огнёв продолжал то, что “молодой” Огнёв говорил три года назад» [1, с. 149].

Научным руководителем Огнёв выбрал Л. М. Лопатина, который еще в гимназии преподавал ему словесность. Огнёв был настолько привязан к Лопатину, что даже стал походить на него внешне. М. К. Морозова в письме к Е. Н. Трубецкому сообщала: «Был два дня Левон с Огнёвым. Огнёв [—] слабосильный человек и тем Льва Мих[айловича] вплоть до выражений (пустой малый! и т[ому] подобн[ые]), калош, пальто, спанья»⁶. В статье Огнёва «Л. М. Лопатин. К 30-летию научной деятельности» [8] можно найти объяснение, что именно так привлекало ученика в учителя. Прежде всего «внутренняя значительность» и «необыкновенная систематическая законченность» его философских взглядов, стоявших, как полагал ученик, «вполне на уровне теперешней науки». Была и еще «одна черта», которая делала философию Лопатина в глазах Огнёва «особенно ценной: несмотря на всю свою новизну и свою глубокую связь с коренными течениями русской мысли, эта философия является как бы возрождением многих почти оставленных сейчас и, тем не менее, всеми признанных за классические воззрений», среди которых Огнёв называет «античный идеализм», «докантовский рационализм» и «послекантовскую метафизику начала XIX века» [8, с. 51].

В 1908 г. вышла первая философская статья Огнёва — рецензия на книгу Г. Т. Фехнера «К вопросу о душе» (1861, 2-е изд. — 1907). В 1910 г. он пишет кандидатское сочинение «О трансцендентальном реализме у Гартмана»⁸, которое удостоивается золотой медали, и в 1911 г. оканчивает с от-

⁶ НИОР. Ф. 171 (М. К. Морозова). К. 3. Ед. хр. 5. М. К. Морозова — Е. Н. Трубецкому [1912—1913]. № 6.

⁷ См. издание [7].

⁸ Сохранилось в рукописи и машинописи. Частный архив протоиерея Саввы Михайловича.

личием университет. В том же году Огнёв начал сотрудничать с издательством «Путь»: по договоренности с М.К. Морозовой он должен был редактировать начатый ею перевод на немецкий язык сочинения Лопатина «Положительные задачи философии» (1911) и был автором письма к немецкому философу О. Кюльпе с просьбой о моральной поддержке этой инициативы⁹.

С 1915 г. Огнёв, который не подлежал мобилизации как молодой ученый, получивший научную степень, начал преподавать в Московском университете. В архиве о. Саввы (Михалеви́ча) хранится еще один текст — «Учение Канта о схематизме понятий чистого рассудка», датированный 17 октября 1915 г. и представляющий собой, по-видимому, вступительную лекцию молодого приват-доцента А.И. Огнёва. Приблизительно к этому же времени относится знакомство Огнёва с только что окончившим курс и оставленным при университете для приготовления к профессорскому званию П.С. Поповым, также учеником Лопатина, будущим коллегой и единомышленником. В эти годы у Огнёва выходят в свет две новые научные работы — «Система трансцендентального идеализма Шеллинга» [9] и «Идеальное и реальное в сознании» [10]. С докладом «Идеальное и реальное...» Огнёв выступал 6 апреля 1918 г. на заседании Психологического общества при Московском университете, в Правление которого он был избран 30 марта того же года. Текст этого доклада вошел в последнюю книжку журнала «Вопросы философии и психологии» — *последнюю*, потому что на ней издательская деятельность Общества прекратилась. Тринадцатого апреля 1919 г. Огнёв выступил на заседании Общества с докладом «К вопросу о происхождении животной формы», 25 июня 1920 г. он участвовал в совместном торжественном заседании Общества и Историко-философского факультета Московского университета. Заседание было посвящено памяти Лопатина, и Огнёв сделал доклад о личности и миросозерцании своего покойного учителя. Он тяжело переживал его смерть, которая наступила 8 (21) марта 1920 г. В память об учителе в 1922 г. в петроградском издательстве «Колос» Огнёв опубликовал биографическое исследование «Лев Михайлович Лопатин».

Двадцатого марта 1921 г. Огнёв был избран товарищем председателя Психологического общества (председателем — И.А. Ильин), а 30 марта 1922 г. выступил там с докладом «Проблема реальности внешнего мира» [5].

Последним философским сочинением Огнёва, опубликованном уже, правда, посмертно в сборнике «Пути реализма», куда вошли также статьи Б.Н. Бабынина, Ф.Ф. Бережкова и П.С. Попова, стала работа «Сознание и внешний мир» [2; 11]. Скоропостижная смерть оборвала его философский труд, не позволив привести его к систематическому завершению, которое, как представлялось Огнёву, должно было быть максимой любого научного поиска, ведь «как бы ни была возвышенна идея, она никогда не приобретет вполне прочного влияния, если не будет разумно оправдана в законченном построении» [7, с. 52].

А.И. Огнёв умер 4 ноября¹⁰ 1925 г., «не перенеся тяжелой почечной операции в Боткинской больнице» [12, с. 133], и похоронен на Пятницком кладбище в Москве.

⁹ М.К. Морозова — Е.Н. Трубецкому <начало 1912> [3, с. 430].

¹⁰ В книге его брата Сергея Ивановича Огнёва [11, с. 133] значится дата смерти 17 ноября 1925 г., тогда как на могильной плите выбито 4 ноября. Возможно, расхождение обусловлено тем, что на плите указана дата в соответствии с церковным (юлианским) календарем.

* * *

Публикуемая работа «Учение о реальности Канта в понимании и оценке Гартмана» представляет собой рукопись на 21 линованном тетрадном листе (формат А5), исписанном с одной стороны (оборотная сторона или свободна, или содержит сноски, связанные с текстом последующей страницы), из частного архива родственника А. И. Огнёва — протоиерея Саввы Михалевича и датирована 13 апреля 1909 г. По всей видимости, она готовилась как доклад для выступления в философском семинарии Л. М. Лопатина или Г. И. Челпанова: Лопатин вел в те годы семинар по Канту, а Челпанов — по психофизической проблеме и проблеме реальности [6, с. 316]. О дискуссиях на этих занятиях вспоминал позднее философ-неокантианец О. Г. Гордон: «...с тем большей яркостью помню я эпизод, связанный с горячим спором о понятии “вещи в себе” у Канта, завязавшимся между мною и двумя-тремя моими приверженцами, с одной стороны, и спиритуалистами в лице А. И. Огнёва и реалистами в лице самого Г. И. [Челпанова] — с другой» [4, с. 89].

Можно с большой долей вероятности утверждать, что эта небольшая работа легла затем в основу кандидатского сочинения Огнёва «О трансцендентальном реализме у Гартмана».

Текст публикуется в современной орфографии и пунктуации. Фамилии зарубежных авторов передаются в соответствии с современными нормами написания. Все ссылки и примечания в тексте, если специально не оговорено, авторские. Ссылки на сочинения Канта сверены и даются по академическому изданию, тогда как автор ссылается на издание Карла Кербача (Kehrbach). Все цитаты в тексте — в переводе Огнёва. В некоторых случаях в квадратных скобках приводятся слова, пропущенные автором при переводе. Сокращенные в рукописи служебные слова даются полностью по умолчанию. Подчеркивания передаются курсивом.

Список литературы

1. Белый А. Воспоминания : в 3 кн. Кн. 2: Начало века. М., 1990.
2. Блауберг И. И. Из истории русского интуитивизма: А. Бергсон и «Пути реализма» // Историко-философский ежегодник'2010. М., 2011. С. 305–329.
3. *Взыскующие* града. Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках современников / вступ. ст., публ. и коммент. В. И. Кейдана. М., 1997.
4. Гордон Г. О. Из воспоминаний о Г. И. Челпанове // Вопросы психологии. 1995. №1. С. 84–96.
5. *Деятельность* Психологического общества при Московском университете за последние 4 года (1918–1922) // Мысль. Журнал Петербургского философского общества / под ред. Э. Л. Радлова и Н. О. Лосского. 1922. №3 (май — июнь). С. 186–187.
6. Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М., 2007.
7. Огнёв А. И. [Рецензия] Fechner G. T. Über die Seelenfrage. — Humburg und Leipzig, 1907 // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 93. С. 441–443.
8. Огнёв А. И. Л. М. Лопатин. К 30-летию научной деятельности // Русская мысль. 1911. Кн. 12. Отд.: «В России и за границей. III. Философское движение». С. 45–52.
9. Огнёв А. И. Система трансцендентального идеализма Шеллинга // Вопросы философии и психологии. 1915. Кн. 130. С. 551–563.

10. Огнёв А.И. Идеальное и реальное в сознании // Вопросы философии и психологии. 1918. Кн. 141/142. С. 85–129.

11. Огнёв А.И. Сознание и внешний мир // Пути реализма. Сборник философских статей Б.Н. Бабынина, Ф.Ф. Бережкова, А.И. Огнёва и П.С. Попова. М., 1926. С. 63–98.

12. Огнёв С.И. Заслуженный профессор Иван Флорович Огнёв (1855–1928). Страницы из жизни медицинского факультета Московского университета конца XIX и начала XX века. М., 1944.

13. Тимофеев-Ресовский Н.В. Воспоминания: Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами / сост. и ред. Н. Дубровина. М., 2000.

Об авторе

Бутина Елена Александровна – аспирант кафедры философии факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета, writing85@mail.ru

About author

Elena Butina, PhD student, Chair of Philosophy, Department of Sociology, Economy and Right, Moscow State Pedagogical University, writing85@mail.ru